

Эпоха войн и революций

Борис Кагарлицкий

*Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.*

Иосиф Бродский.
Письма римскому другу

Если суммировать смысл статьи Николая Вилонова, то он может быть выражен одной фразой: нам предстоит «эпоха вялотекущей депрессии, растущего неравенства, ожесточенной борьбы за ресурсы между странами и корпорациями, социального регресса в большинстве частей света, региональных экологических и экономических катастроф». Этот глубокий пессимизм автора в отношении развития капитализма предопределяет и драматичную актуальность его потребности в новом социалистическом проекте. Подобный проект является не столько порожденной историческими интересами трудящихся альтернативой капиталистическому порядку или, напротив, — в соответствии с представлениями Маркса — естественным порождением и итогом этого порядка, сколько единственно возможной стратегией спасения человечества от катастрофы, в которую ее заводит развитие капитализма. Иными словами, социализм приходит не после капитализма, а вместо него. Различие далеко не сводимое к перемене вза-

имодополняющих слов. Если марксистская традиция видела в развитии капиталистической экономики предпосылки для возникновения нового порядка, то, с точки зрения Вилонова, мы сейчас наблюдаем и будем наблюдать деградацию. Объективно положение дел становится не лучше, а хуже, в том числе и с точки зрения перспектив социального преобразования. Но диалектическим образом (и здесь Вилонов мыслит вполне в марксистской традиции) именно этот упадок делает социализм не просто возможностью, а прямой общественной необходимостью (как срочное применение мер по тушению пожара является не следствием развития предпосылок, сложившихся в ходе распространения пожара, а просто единственным способом этот пожар остановить). В такой ситуации роль левого движения состоит в том, чтобы идя против течения, опираясь на остатки сил, мобилизуя весь свой исторический потенциал, повторить подвиг барона Мюнхгаузена, вытащив самого себя из болота за волосы, а заодно и вытащить своего «коня» в виде

инертного и неспособного к стихийной революции общества. Если этот прорыв, опирающийся не столько на «предпосылки», сколько на политическую волю, возможен, то мы получим этику своего рода трагического оптимизма. Если он оказывается невозможен, то нам остается только пессимизм и роль бессильных наблюдателей безудержного процесса деградации и варваризации капитализма.

Взгляд вполне понятный и обоснованный с точки зрения современной ситуации. Вопрос лишь в том, до какой степени он верный. И в какой мере однозначны выводы, напрашивающиеся, казалось бы, из фактов и анализа, которые мы находим в статье Вилонова.

Невозможно отрицать драматизм сложившейся в современном мире ситуации. Затяжная депрессия капиталистической экономики сочетается с беспрецедентной политической слабостью левых сил, которая отражает не только идеологический кризис социализма, но и социальный кризис труда. Но в то же самое время мы видим, как на наших глазах в глобальном масштабе проявляются все признаки революционной ситуации, описанной Лениным. Важнейшим из них является кризис верхов: правящие круги не могут управлять по-старому. С одной стороны, «ручное управление», над которым так любят смеяться либеральные публицисты в России, сейчас становится нормой для большинства стран мира, включая старейшие капиталистические демократии. В долгосрочной перспективе управлять обществом и экономикой так невозможно, а вернуться к привычной практике уже не удастся. С другой стороны, положение низов наглядно ухудшается, и массы демонстрируют наглядное нежела-

ние мириться с ситуацией — они бунтуют, протестуют, сопротивляются. На таком фоне забавно слушать ламентации многочисленных левых идеологов, которые пеняют трудящимся, что их выступления носят оборонительный характер, что они пытаются сохранить свое положение в рамках потребительского общества и далее в том же духе. Все великие революции начинались с «консервативных» выступлений масс, которые не хотели жить «по-новому», если под этим понималось резкое ухудшение их жизни. Народ сверг в 1917 году русского царя не потому, что проникся социалистическим сознанием, а потому что не хотел «жить по-новому» в окопах Мировой войны и в голодных очередях Петрограда. Массы всегда готовы терпеть угнетение, если оно остается в рамках привычной «нормы», с которой они мирятся десятилетиями и столетиями. Но в том и проявляется кризис верхов, что поддерживать эту «норму» для сохранения существующего порядка в изменившихся условиях уже не удается.

При этом, однако, мы видим полное отсутствие сколько-нибудь заметного «субъективного фактора» революции в форме марксистских организаций, радикальных рабочих или народных партий, объединенной общими идеями интеллигенции. А некое подобие массовых мобилизаций происходит либо вокруг ведущих оборонительную борьбу профсоюзов, либо, того хуже, под знаменами ультраправых, фашистских группировок. И если в конце 1920-х годов подъем фашизма в Европе был в значительной мере ответом на подъем левых сил, то теперь во многих странах ультраправая идеология развивается не как «черная тень» левого движения, а как вполне са-

мостоятельный политический феномен.

Для того чтобы объяснить сложившуюся ситуацию, недостаточно ссылаться на идеологический крах коммунистических партий или другие политические события недавнего прошлого. Но также недостаточно давать «статическую» картину того, что мы имеем. Необходимо разобратся в природе сегодняшнего кризиса и, поняв его происхождение, оценить его перспективы.

На мой взгляд, в высшей степени наивно связывать кризис современного капитализма с исчерпанием физических ресурсов, как это делают, кстати, многие представители социальных движений и сторонники «экологического социализма». И дело не только в том, что значительная часть потенциально необходимых для производства ресурсов на планете не только не используется, но и не разведана. Специалисты прекрасно знают, что даже в России, ресурсное богатство которой определяется не каким-то особым везением или божьим даром, а беспрецедентным в мировой истории уровнем развития геологоразведки в советский период, имеется еще огромное количество неразведанных месторождений самых разных видов сырья. Дело даже не в том, насколько дорого освоение этих месторождений — с развитием технологий оно становится дешевле, а не дороже. В конечном счете, дело вообще не в ресурсах, а в способе их употребления. Иными словами, современное общество и современный капитализм используют ресурсы неэффективно, расточительно и зачастую просто контрпродуктивно (когда хозяйственное развитие создает больше проблем, чем решает). В такой ситуации, даже если бы доступные человечеству ресур-

сы были бы в 10 раз больше, чем сейчас, они просто были бы исчерпаны в 10 раз быстрее.

Не кризис вызван дефицитом, а дефицит порожден системным кризисом, исчерпанием социально-экономической модели. Потребительское общество, которое было создано капиталистической системой в качестве способа примирения труда и капитала хотя бы в наиболее развитых странах, подходит к своему концу.

Крах потребительского общества вызван не только тем, что нет больше физических ресурсов для потребления, но и тем, что рушатся его исходные социально-экономические, психологические и культурные основания. Эта ситуация лучше всего иллюстрируется чудовищными дорожными пробками, которые мы наблюдаем не только в богатых западных странах, но прежде всего в бедных странах, начиная от нашей России, заканчивая Китаем, Филиппинами или Индией. Кризис потребления начался там задолго до того, как большинство граждан стали потребителями. И ответом на этот кризис будет не появление новых «экологических» продуктов, модернизирующих ту же потребительскую модель, а радикальный отказ от нее. Обращаясь к дискуссии Вилонова и Колташова, можно сказать, что независимо от перспектив новой энергетической революции для спасения современных городов нужны будут не индивидуальные летательные аппараты, а эффективный, чистый и дешевый общественный транспорт. Индивидуальное потребление по целому ряду позиций должно будет уступить место коллективному потреблению как более рациональному и комфортному — соответствующим образом будут организовываться и образ жизни,

и производство. Индивидуальный потребитель просто не может оставаться дальше главным источником спроса в экономике. Он надорвался. Он ограничен в конечном счете даже не только размерами своего кошелька, но и своим временем. Потребительское общество исчерпало ресурсы времени: люди не могут потреблять больше потому, что не могут потреблять дольше. В сутках всего 24 часа и мы не можем все их до последней секунды проводить в магазинах.

Решающее значение для развития общества, однако, имеет все-таки сфера производства. Именно перемены, произошедшие здесь за последние два десятилетия, определяют и характер современного капитализма, и отношения труда с капиталом, и перспективы развития, а также преодоления кризиса.

Политика неолиберализма сводилась к тому, чтобы снизить цену рабочей силы — заработную плату — или по крайней мере остановить ее рост, а также в более широком смысле означала рост социальных издержек, неизбежный в условиях социал-демократической модели регулируемого капитализма или иной формы социального государства. При этом, однако, требовалось сохранить потребительское общество, этим социальным государством порожденное.

В историческом плане изобретенное Дж. М. Кейнсом социальное государство и потребительское общество — близнецы-братья. Без кейнсианства не было бы массового потребления. Не было бы и массового среднего класса, к которому сегодня так любят апеллировать либералы. Неолиберализм — это не возвращение назад в экономику XIX века, попытка покончить с кейнсианством, сохранив потребительское общество, поскольку в ином случае

рухнет система массового спроса, без которой современный капитализм жить уже не может.

Но как убрать одно, сохранив другое? Технически проблема решалась за счет переноса производства в страны с дешевой рабочей силой (точнее, с низкими социальными и экологическими издержками для капитала). В особенности перенос касался «среднего звена» производства, по отношению к труду речь идет о среднем уровне квалификации, где сокращение зарплат дает наибольшую выгоду. Низшим слоям рабочих сокращать зарплату уже некуда, а по отношению к высокой квалификации эта политика приводит к радикальной потере качества.

Таким образом, производственный цикл географически и, что очень важно, социально «расслаивается». Но в данном случае принципиально важно, что в новом разделении труда странам «центра» остается не только сегмент производства и экономики, требующий высококвалифицированного труда (включая, разумеется, информационный и финансовый сектор, технологические разработки и т.д.), но и сегмент, основанный на неквалифицированном труде. Добавим к этому технологическую революцию, которая во многом (подобно промышленной революции XIX века) обесценила прежние навыки и квалификацию, и мы обнаружим, что ситуация в мире труда изменилась качественно. В массе своей труд деградирует, примитивизируется. Там, где раньше требовались важные навыки по управлению сложными процессами, сейчас порой достаточно ввести код и нажать кнопку. Так деградирует, например, квалифика-

ция банковских служащих. Вместе с ценой рабочей силы снижается и ее стоимость, ведь культурные, психологические требования к воспроизводству неквалифицированного труда ниже, чем квалифицированного. Однако резко опустить зарплату не удастся — ее стремительное падение привело бы к краху всей системы потребительского общества. Ведь у трудящихся Запада появилась в пост-кейнсианском мире важная функция, которой у них не было или почти не было в либеральном обществе XIX века: они являются массовыми потребителями.

В итоге зарплата — цена рабочей силы — падает, но ее качество и квалификация падают еще быстрее! Буржуазия и ее идеологи по-своему правы, когда жалуются, что трудящиеся получают слишком много, что предприниматели постоянно переплачивают. Только ситуация эта порождена не «жадностью» рабочих, а противоречиями самой системы и проводимой правящим классом политики. Возникает абсурдная ситуация. В одно и то же время в странах «развитого капитализма» зарплата падает, люди беднеют, а рабочая сила, если учитывать ее квалификацию и качество — дорожает. В странах периферии те же тенденции обнаруживаются в секторах экономики, наиболее тесно интегрированных с западными структурами, или там, где требуется относительно более высокая квалификация. Средние классы периферии начинают по схожей логике приобретать потребительский статус и возможности, далеко превосходящие их реальный вклад в экономику.

Сломать эту систему — значит обрушить потребительское общество, но и поддерживать ее невозможно. Неолиберализм уперся в

собственные пределы, и дальнейшее развитие на такой основе просто невозможно.

Теоретически, выходом, как и в XX веке, может стать возврат на новой основе к экономике дорогого труда, сопровождающийся частичной реиндустриализацией стран центра и переходом к протекционистской политике. Уже сейчас развитие промышленных технологий позволяет в западных странах резко повысить производительность труда, оставив позади страны, единственным преимуществом которых является дешевая рабочая сила (так русская крепостная металлургия, демонстрировавшая впечатляющий рост в начале XIX века, резко потеряла западные рынки после того, как модернизировалась английская металлургия, работавшая на основе дорогого наемного труда). Высокие экологические стандарты могут превратиться из фактора, ограничивающего промышленный рост, в стимул технологического развития и способствовать росту новой, квалифицированной занятости (возникает спрос на соответствующий тип специалиста). Экология может стать и оправданием протекционизма: либералы не примут таможенные тарифы, защищающие рабочие места, но они легко согласятся с тем, чтобы ввести меры, компенсирующие экологические издержки западных производителей перед лицом экологического демпинга азиатских стран-загрязнителей.

При этом многие достижения таких стран как Индия или Китай могут просто обесцениться, приведя там к крушению модели экспортно-ориентированной экономики и болезненному «пробуждению» среднего класса, обнаруживающего насколько его реальное место в об-

ществе не соответствует его амбициям и обещаниям элит.

Препятствием для подобной переориентации капитализма, однако, остается сложившаяся социальная структура. Товар можно производить по-новому, но кто и как будет его потреблять? Для кого и для чего производить? Где тот новый — коллективный — потребитель, который придет на место выдохшемуся индивидуальному потребителю второй половины XX века?

В ходе своей истории капитализм периодически проходит через периоды реконструкции, но это не безболезненный процесс успешных реформ, а череда катаклизмов. Смена модели неизбежно подразумевает новое соотношение сил в обществе и болезненное преобразование самого правящего класса, изменение иерархии и смену господствующих фракций в составе капитала. Могущественные корпорации могут потерять свое влияние, на смену им приходят новые группировки, ведущие свой бизнес совершенно по-новому. Консервативные группировки правящего класса мобилизуют мощь все еще контролируемого ими государства, чтобы не допустить перемен, а перемены, как показал уже XX век, приходят не столько в результате решений, принимаемых социальными верхами, сколько под давлением и под ударами снизу. Именно трудящиеся классы и их партии в XX веке по факту выступали силой, преобразующей и модернизирующей капитализм. Ленин гениально угадал это своей формулой о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции 1905 года, но это была не просто специфика исключительного момента или исключительной страны, а симптом нового века, когда преобразование капитализма и борьба за социализм соединились в

единое целое, стали двумя сторонами одного и того же процесса.

Дело не только в том, что правящие классы стали инертными, утратив динамизм, присущий им в прошлой истории капитализма, и не только в том, что никакие масштабные общественные перемены невозможны без классовой борьбы и выхода на политическую арену массовых социальных движений. Дело в том, что капитализм в своей классической форме давно уже утратил потенциал для позитивного развития, но условия для глобального торжества нового общественного порядка еще не сложились. Мир переживает такую же драму затяжного переходного периода, как некогда переживала Европа между феодализмом и капитализмом. Тогда переход затянулся на несколько столетий, начавшись уже в XIV веке и завершившись едва ли к концу XVIII столетия.

Сравнивая те далекие времена с нынешними, можно предположить, что мы лишь по-новому переживаем знакомую историческую драму. Капитализм уже не может преобразовать сам себя, но трудящиеся классы еще не могут успешно создать собственный социально-экономический порядок. В итоге мы видим, как возникают многочисленные переходные (и порой довольно уродливые) формы от западного социального государства до советского «реального социализма». Импульс для обновления буржуазной системы каждый раз приходит извне. Это идеи и методы, заимствованные из арсенала социалистических теоретиков (от национализации собственности до солидарности поколений, которая легла в основу пенсионной системы). Это социальное давление трудящихся классов и их организаций. Это вызов «советского коммунизма», который потер-

пел поражение как попытка строительства нового общества, но вынудил западный капитал пойти на радикальные социальные и экономические реформы.

Марксистские теоретики начала XX века верили, будто капиталистические отношения стихийно вызревают внутри феодализма, тогда как социализм утверждает себя «сверху» после взятия пролетариатом политической власти. Либералы с удовольствием поддерживали это заблуждение, видя в подобной формуле доказательство «демократизма» буржуазного порядка в противовес антидемократизму и авторитаризму «социалистических экспериментов». Конечно, в самом социалистическом подходе заложена потребность в сознательном и планомерном «строительстве» новых отношений — ведь его суть в контроле общества над собственным развитием. Но ложным является как представление о том, что капиталистическая система якобы сама складывается «снизу», так и представление о том, что социалистические порядки, отношения и структуры начинают формироваться лишь после победоносной революции и захвата власти передовой партией. Государство со средних веков играло огромную роль в установлении капиталистических порядков, причем само это государство не было еще однозначно буржуазным, за него боролись, контроль над ним оспаривался различными классами и группами. Точно также и социалистические отношения начинают возникать внутри капитализма, порой стихийно, порой через реформы, которые правящие классы вынуждены принимать под давлением обстоятельств и под ударами низов.

На протяжении XX века капиталистическая система смогла вы-

жить, «приняв в себя» большое количество элементов социализма. Смысл неолиберальной контрреформы состоит именно в том, чтобы эти элементы вычистить, ибо их постепенное накопление стало грозить стратегическому господству капитала. Количество может перейти в качество.

Буржуазная реакция пользуется откатом революционной волны XX века, крушением СССР и поражением внешнего вызова. Но торжество реакции оборачивается распадом общества как такового, ибо оно уже не может жить в условиях классического капитализма, более того, вернуться в прошлое не хотят и не могут сами носители неолиберальной идеологии, пытающиеся, например, сохранить такое порождение социал-демократических реформ, как потребительское общество. В итоге неолиберализм упирается в неразрешимое противоречие, а продолжение этой политики грозит разрушить уже не только достижения трудящихся классов, завоеванные на протяжении XX века, но и сами основы современного общественного бытия, подорвать его механизм воспроизводства и уничтожить саму буржуазную цивилизацию. Отсюда деградация и варваризация капиталистического общества, кризис образования и упадок гражданской морали. Неолиберализм в своем реакционном пафосе вынужден бороться не только против социализма, но и против наследия прогрессивного либерализма, без которого невозможна ни буржуазная демократия, ни свобода личности, ни современная культура.

Преобразование капитализма не может придти иначе, чем через борьбу политических и социальных сил, не заинтересованных в сохранении нынешней системы, исключенных из ее механизма власти и

не разделяющих господствующую идеологию. Иными словами, слева. Но если только антисистемным силам дано развязать процесс преобразований, ведущих систему к обновлению, то вполне закономерно, что эти силы могут — и непременно постараются — покончить с этой системой как таковой.

Любая реконструкция капитализма содержит в себе «риск» крушения капитализма. Именно эта возможность превращает эпоху реконструкции в эпоху революций. На протяжении XX века это происходило неоднократно. Если не будет радикального социального проекта, не будет и реформы капитализма. Но проект приобретает общественную значимость только через реализацию, пусть частичную. Социалистические эксперименты XX века закончились поражениями и провалами, но они оказали грандиозное влияние на историю именно тем, что были осуществлены на практике. Куда более красивые и более верные (с точки зрения абстрактной теории) проекты, оставшиеся на бумаге, не возымели и сотой доли того влияния на общественное сознание, какое имели практические попытки, пусть и окончившиеся трагически.

Единственный выход из тупика капитализма — это социалистические революции. Как показал опыт XX века, нет никакой гарантии, что итогом революции окажется победа социализма как общественного строя (точно так же, как буржуазные революции не приводили даже в случае победы к повсеместному распространению капиталистических общественных отношений). Но иного пути для прогрессивного развития человечества просто нет.

Социализм XX века оказался врачом у постели больного капитализма. Пытаясь лечить паци-

ента, врач может ненароком убить его, но в нашем случае все было ровно наоборот. Пытаясь убить капитализм, социализм на практике сделал его сильнее. Но попытавшись избавиться от опасных социалистических «лекарств», неоллибералы поставили капиталистическую систему на грань гибели, а вместе с ней и человеческую цивилизацию. Ведь никакой иной цивилизации, кроме буржуазной у нас пока нет.

Рано или поздно капитализм все равно либо убьет сам себя, либо его убьют революции. Но механизм саморазрушения капиталистической системы, запущенный неоллиберальной реакцией, отнюдь не приводит нас к торжеству новых общественных порядков. Скорее, наоборот. Он должен быть так или иначе остановлен.

Для этого нужна не только социалистическая политика и соответствующая теория, для этого нужна социалистическая практика. Уничтожит она капитализм или пока лишь реформирует его — это уже вопрос, на который ответит история. Но все равно выход из кризиса лежит через антисистемную социалистическую политику.

Другой вопрос, кто станет носителем этой политики в условиях разложения традиционного рабочего класса, которое наблюдается в большинстве «старых» индустриальных стран. Однако разложение привычного социального строения рабочего класса не означает ни исчезновения индустриального пролетариата как такового, ни отсутствия перспектив для формирования нового социального блока, объединяющего «мир труда». И если такое объединение будет происходить в достаточно непривычных формах, то это лишь открывает огромные перспективы для соци-

ального творчества и организационной, и политической инициативы, эксперимента и новаторства. Нет никакой уверенности, например, в том, что новое политическое действие будет осуществляться в привычных и «классических» для нас формах политической партии, что все наши союзники будут идеально соответствовать нашему теоретическому идеалу, а наши собственные действия — дистиллировано чистой социалистической идеологии. Но именно в том и состоит вызов, чтобы расширить рамки социалистической стратегии, не жертвуя ни ее целями, ни ее принципами, ни ее идеалами.

Нет причин паниковать из-за того, что к началу кризиса не сложились политические или идеологические предпосылки для его преодоления. Они будут созреть и формироваться по ходу кризиса, причем именно затяжной характер кризиса этому способствует. Вопрос не в том, насколько у левых есть объективные возможности для действия, а в том, что они могут и должны делать в сложившихся обстоятельствах.

Слабость левых сил может быть преодолена лишь практическим действием, направленным на формирование широкого «исторического блока», не сводимого к привычным для них рамкам индустриального пролетариата (от имени которого пытается говорить радикальная интеллигенция). Роль левых состоит в активной работе по формированию этого блока на политическом, культурном уровне, даже на уровне повседневной жизни, что прекрасно понимали социалисты и коммунисты начала XX века, но чего не хотят понимать левые интеллектуальные снобы нашего времени. И опираясь на стихийно развивающиеся процессы

оборонительной самоорганизации масс, мы должны — вполне в духе известной ленинской книги «Что делать» — работать над развитием в этом движении социалистического сознания. Нас не должно смущать то, что борьба начинается повсеместно как оборонительная. Ведь мы защищаем то, что завоевано прошедшими десятилетиями труда и борьбы. Мы защищаем в конечном счете достижения той же буржуазной цивилизации и буржуазной демократии.

Странным образом сложившаяся ситуация заставляет вспомнить последнюю публичную речь Сталина, его своеобразное завещание, где говорил генералиссимус не о чем ином, как о ценностях западной демократии:

«Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отстаивала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности», — права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Растроптан принцип равноправия людей и наций, он заменен принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придется поднимать вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше некому его поднять.

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала пра-

ва и независимость нации, ставя их «превыше всего». Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продает права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придется поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперед, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять».

Странно, конечно, призывать Сталина в союзники, говоря о значении демократизма, но жестокий и прагматичный хозяин Кремля в 1952 году обращаясь к западным

коммунистам, давал им урок практической политики, которой мы не вправе пренебрегать и в XXI веке. Буржуазную цивилизацию не спасет никто, кроме противников капитализма. Если неолиберализм не будет остановлен, то разрушены будут те условия буржуазного прогресса, на которых базируются также демократия и социализм. Но если борьба будет успешной, она откроет путь к новой череде антикапиталистических преобразований, в ходе которых будут формироваться новые общественные отношения.

Только произойдет это не мирно, при помощи избирательных бюллетеней и ученых дискуссий, а драматически, через потрясения, перевороты, войны и революции.